

11 ноября — 90 лет со дня рождения великой актрисы советского театра Марии Ивановны Бабановой

ГОД СТРАНСТВИЙ

Я держу в руках небольшую книгу в синем переплете — «Рассказы о театре и кино». Ее издал в 1964 году ленинградский актер, сценарист, литератор Л. Любашевский — Д. Дэль. В ней напомиание об одном малоизвестном факте биографии Марии Ивановны Бабановой. О ее гастроли в Ленинграде в 1957 году.

Я в полной панике и не знаю, что мне делать. Фантазмагория с западными пьесами не дает спокойно жить и работать. Вчера мне сказали, что в «Литературной газете» ударили по «мещанской пьесе Барри». Полина (П. В. Мелкова, переводчица пьесы Барри. — В. В.)... боится опять попасть на страницу печати, хотя это писал всего-навсего Изаков, ее исконный враг и прохвост вообще... Когда он переводит всякую сволочь — то это ничего, но, учуяв конъюнктуру, убрал «врага» с поля боя. Так все просто и так не просто... Словом, не знаю теперь, заваривать ли мне кашу с «Морем» Рэттигана. Охлопкову, конечно, на руку, что обложили Барри. Он теперь развернется, и я уверена, что работать другую пьесу он мне не даст. Молчать дальше — глупо, так как Иван Дмитриев, мой партнер по пьесе, снимается вместе с Козыревой (актриса Театра имени Маяковского. — В. В.) в одной картине и уже, наверное, сказал ей об этом... Напиши, очень тревожно и так тяжело ожидать откуда-то удара, что нет сил. Ехать 20-го в Москву или нет? Поговорить? В довершение ко всему я заболела гриппом и совсем больная репетировала и играла два дня подряд. Сегодня отдыхаю и завтра тоже, может быть, вылежусь, но сил мало, и вынесу ли я все это — не знаю. Может быть, буду тебе звонить сегодня ночью — не вынесу долгого ожидания ответа. Денег ниоткуда нет, доедаю последние. Здесь на радио тоже не дали еще. Вот и живи... Есть еще мысль написать Охлопкову, но не знаю. Или ждать? Глизер правильно поступила, и мне надо было, вероятно, сделать то же самое. Но переезжать? Сюда с ногами и руками — но квартира? Дача? Непригодно. Климат безумно трудный, раньше не очень замечала это, хотя всегда теряла голос, прехав на гастроли. Не знаю, не знаю — живу невесело, трудно, уныло... Мелкова полна страха из-за «Моря», а права ли она — сама не знаю. Я верила в эту пьесу, верят в нее и актеры, но не все — некоторые опасаются факта самоубийства, даже в английском «несовершенном» обществе, а то, что самоубийство преодолевается человеком — это им неважно...

Сегодня или завтра придет драматург Володин, автор «Фабричной девчонки», с другой пьесой. Мобить... Самое страшное, что вдруг не захотелось ничего делать, ни-че-го. Так устала душа от этих непонятных встрясок и незаслуженных обид, что больше не хочется быть в таком положении. Страшно! Обидеть может любой маленький, незначительный человек, а защитить — никто — и ты сам. Как же жить? Репетировать с вечной мыслью, что это «не то» и «не туда», невозможно. Пусть уж они проверят в театре, и тогда буду делать, а они, справедливо, вероятно, в данную минуту не хотят рисковать тем, что им может дать возможность просуществовать. Вчера играли в ДК Горького, 2.200 мест, сбор полный, 28.000 р., принимали так, что я уже не помню, когда так было. Я даже одна — в первый раз в этой пьесе — выходя 3 или 4 раза. Уже не помню, может быть, и больше, а звучание на этой сцене сама знаешь какое — да еще Сивилла была ужасная, не то делала, что надо, мала, щупла, без голоса и т. д. Какие-то несходящиеся ножницы. Когда они сойдутся наконец? Напиши мне что-нибудь, а то продаю совсем, не хочется ни играть, ни репетировать, ничего, околеть — и все. Хоть бы собаки были вокруг, они иногда помашут хвостами и утыкаются носами в тебя, признавая тебя человеком, к которому можно хорошо относиться... Прости за такое письмо. Не могу. И больна, и устала, и истерзала все эти штуки донельзя. Крепко тебя обнимаю, Т. М.»

Мария Ивановна жила в Ленинграде в гостинице «Европейская» довольно замкнуто, мало с кем общалась. Переводчица П. В. Мелкова и известный театральный критик Ю. А. Головащенко — были единственные, кто окружал ее. Она мечтала сыграть пьесу Теренса Рэттигана «Глубокое синее море» (сейчас эта пьеса уже несколько сезонов подряд идет в Театре имени Ермоловой под названием «Женщина вне игры» в постановке В. Андреева), но ее не разрешили, и все метания Марии Ивановны были напрасны.

ИЗ ПИСЬМА М. И. БАБАНОВОЙ к Н. М. ТЕР-ОСИПЯН:

4 марта 1957 г.
«...Хочу «домой», но логически понимаю, что «дома» у меня больше нет и не будет никогда, и что делать, куда себя девать? — не знаю. Репетировать не начинаю, хотя уже расхрабрилась и просят — нет ни энергии, ни желания. Все здесь оп-

ротивело, и люди, и город, и особенно номер. Зашла в какой-то душевный тупик и не могу выйти из него... Западные пьесы вызывают у властей страх, и начинается бог знает что, а у меня осталась только горечь в связи с этой работой. Не только никакого отзвука и рецензий — наоборот, затюкан и замордован за несчастную маленькую отдушину от иссушающего безделья. Несмотря на «реабилитацию» пьесы, все-таки остался какой-то след на спектакле — что-то неуловимое и вместе с тем отчетливо чувствуемое мною. Поэтому очень хочется бросить играть, но... а что делать? «Отдохнуть»? Т. е. терзаться мыслями, что оторван от живого дела?!! ...Узнай, пожалуйста, пришел ли февральский номер «Иностранной литературы», или нет, а то буду искать здесь. Купи побольше кофе. Здесь ничего нет».

Драматическое переживание Времени для нее было неотделимо от ее собственных ощущений. «Дом» — для нее театр, ее театр, куда она пришла когда-то в 1922-м и где теперь для нее не было места на сцене.

ИЗ ПИСЬМА М. И. БАБАНОВОЙ к Н. М. ТЕР-ОСИПЯН:

19—20 февраля 1957 г., Ленинград.

«...Все идет к тому, что Охлопков докажет всем, что я не нужна театру, что я сопротивляюсь тем ролям, которые он мне навязывает, — следовательно — пенсия или уход. О пенсии для меня речи быть не может, лучше веронал — поэтому поедешь даже в Кольму или Кострому. Не думала, что так кончу свою деятельность. Из сокращенных не понимаю одного: почему Вурос? Что он не может ставить? Хуже Зотовой? Жалко людей, но их давно жалко, еще более жалко тех, кто может быть полезным и стал бесполезным».

«...Не пишу много, потому что внутри нет жизни, все мертво и убито чем-то. Живу серо, однообразно, замкнуто... Гладков, будучи приятелем директора театра, где я играю, «выправил» экзешляр «Моря». Два дня я ходила больная от оскорбления и недостатка обоим. В конце концов вымарала все эти поправки вроде: вместо слов, кот. говорит квартирная хозяйка «за двадцать лет я насмотрелась здесь всякого» или что-то в этом роде, они вписали: «я видела здесь столько людских трагедий и слез». Как тебе нравятся эти поправки? Господи, когда перестанут обращаться как с горничной, кот. надо учить грамоте?»

«Лет пятнадцать тому назад я поправила пьесу Гладкова «Давным-давно» — теперь он мне исправляет. Все «нормально». Как-то перебили аппетит на пьесу, и теперь не очень хочется ее делать, и сомнения пошли. Если будет место, привезу ее прочитать тебе и проверю, как она доходит».

Погода страшная, гнилая, мокрая, серая, мрачная и даже не весенняя — в Москве все-таки веселее климат... Алешин не звонил. Думаю, что и не позвонит. Все это в порядке вещей. Володин тоже не звонит. Но он еще не дорос до понимания вежливости. Это понятно. Хотя, посмотри «Фабричную девчонку»... Завтра надо играть, и хочу выехать 22-го — нет сил, но боюсь расхвораться в дороге, не знаю, что делать. Деваться некуда, дома все равно нигде нет, никому не нужна — так, вроде Вечного Жиды, вынуждена бегать, пока не сойду на ходу... Дирекция здесь хочет и торопится репетировать «Море» Рэттигана. Он «свой» более или менее. Но еще не начинали и раньше марта не начнем... В голове пустота и переутомление. Мысли мрачные, унизительные и тяжелые. В общем, ты с успехом могла бы присоединить мою фамилию в список сокращенных. Не сегодня — так завтра. Вот тут и живи, твори и передавай людям необходимость верить, надеяться, любить и жить! Это надо делать именно нам — людям труда такого сорта.. Не знаю, что впереди, вернее, ничего хорошего. Нужна шуба и громадный ремонт в квартире и на даче, а денег не так уж много — если я брошу играть. Потому тяну из последних сил, может быть, больше такой возможности не представится. Боюсь, что жизнь — вернее желание работать — заставит меня опять уехать в Ленинград. Встречай 23-го. Обнимаю. М.»

Разрушалось здоровье, портился характер, росла мнительность, отчаяние овладевало ею, она ставила на себе крест, но ничто не могло заглушить в ней жажду работы. Скрытый драматизм судьбы был надежно спрятан за гордыней, может быть, главной чертой ее непростого характера. В ней действительно все было уникально: голос, лицо, натура.

Бабанова — это эпоха в театре, на этот счет сегодня нет двух мнений. Только что ей пришлось претерпеть — рассказывают старые письма, особенно те, что были написаны Н. М. Тер-Осипяном. В них — горечь и умение смотреть правде в глаза, за ними — театральная и жизненная ситуация конца 50-х годов, перед которой великая актриса оказалась совершенно беззащитной...

Виталий ВУЛЬФ.

ИЗ КНИГИ Л. ЛЮБАШЕВСКОГО: «Мария Ивановна Бабанова взяла двухмесячный отпуск в своем театре и приехала к нам в Ленинград репетировать и играть роль Мэгги в пьесе Д. Барри «То, что знает каждая женщина». Ставил пьесу наш тогда главный режиссер В.С. Андрушкевич. Мария Ивановна делала роль, именно делала, настойчиво, методично, фиксируя найденное со скрупулезной точностью, учитывая все: мизансцену свою и всех партнеров, интонацию свою и остальных, темп и ритм у остальных и у себя, текст у автора и переводчика. Беспредельно корректно вела она себя при этом. Спектакль был сделан ею не меньше, чем режиссером, который уважительно слушался абсолютно ненастойчивых, нетребовательных ее требований».

То было трудное время для Марии Ивановны. В родном Театре имени Маяковского работы не было. Майя Туровская в своей талантливой книге «Бабанова. Легенда и биография» привела отрывок из неотправленного письма Бабановой Николаю Павловичу Охлопкову: «...Я знаю, что не любима Вами, как актриса. Знаю это так же хорошо, как знает ребенок, когда его не любят родители... Я не была любима Мейерхольдом, перед которым когда-то преклонялась и готова была на любые жертвы за радость быть свидетелем его работы... И вот теперь судьба вторично поставила меня в те же условия нелюбимой дочери, которая ничем и никак не может доказать своего отношения к Вам... Даже последняя моя «жертва», принесенная Вам в роли Офелии — об этом я не могу без ужаса вспомнить до сих пор, — не изменила ничего в Вашем отношении ко мне. И даже после этого Вы мне отказали в работе, которую обещали со всякими оскорбительными условиями — о них я уже не говорю...»

Судя по всему, пьеса, которую не захотел включить в репертуар Театра имени Маяковского Н. П. Охлопков, была комедия Д. Барри «То, что знает каждая женщина».

Можно представить себе, до какой степени отчаяния дошла актриса, если рискнула уехать в Ленинград, в чужой театр, чтобы «сохранить» себя. При консервативности ее домашнего уклада. При ее нелюбви к переездам. При ее привычке к сцене Театра Маяковского, где она прожила всю жизнь и только под конец сыграла на сцене МХАТа пьесу американского драматурга Эдварда Олби «Все кончено».

Но это было, когда действительно все было кончено. В 1983 году она умерла.

Ее искусство было уникально, и она сохранила свое имя и свой великий дар, не использованный театром до конца.

Книга Л. Любашевского — Д. Дэля попала мне случайно, и, прочтя ее, я подумал: вот, казалось бы, знаю о ней почти все, а ленинградская гастроль прошла мимо меня, о роли написано мало, и видеть Бабанову — Мэгги мне не пришлось.

Однажды я разговорился с Ниной Мамикионовной Тер-Осипяной. Она до конца дней оставалась для Марии Ивановны самым близким человеком, была ее партнером, замечательно играла Дусю в арбузовской «Тане», кормилицу в «Ромео и Джульетте», Анарду в «Собаке на сене».

По сей день играет актриса в Театре Маяковского. Выходит на сцену в роли Нехамы в «Занате» Бабеля, поставленном А. Гончаровым, в «Сюжете Питера Брейгеля» в постановке молодого режиссера Т. Ахрамюк, снимается в кино и свято чтит память Бабановой, рядом с которой прожила большую часть жизни.

Естественно, я решил спросить Теру о «ленинградской гастроль». Кто лучше нее знает все этапы бабановского пути? И Нина Мамикионовна мне ответила: «Да что ты спрашиваешь?! Так горько все это вспоминать! Лучше я дам тебе несколько писем Марии Ивановны. Она писала мне из Ленинграда, все и поймешь».

В истории все должно предстать, как оно было. Пусть все станет заметным, видимым. Для того и печатаются старые письма.

ПИСЬМО М. И. БАБАНОВОЙ к Н. М. ТЕР-ОСИПЯН:

14 июля 1957 г., Ленинград.

«Дорогая моя!»